

18+

Наталья ГИЛЯРОВА

ФИНТИФЛЯ

РАССКАЗЫ

Номинант премии
«Национальный Бестселлер»
в 2021 году

ЛИТЕРАТУРНОЕ БЮРО
НАТАЛЬИ РУБАНОВОЙ

Наталия Гилярова
Финтифля. Рассказы

«Издательские решения»

Гилярова Н.

Финтифля. Рассказы / Н. Гилярова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512828-7

«Наталия Гилярова — одарённая писательница с собственным видением мира, выразительным и сочным языком, имеющем в своём истоке следы платоновского словотворчества. Проза её необходима читателям, ценящим достоинства, благодаря которым литературный текст становится фактом искусства» (Владимир Войнович). Лауреат конкурсов «Илья-премия» (2000), «Белая Скрижаль» (2011), «им. Булгакова» (2011), «Русский Гофман» (2016), «Белый мамонт» (2016), «Хороший текст» (2017), «Марюса Вайсберга» (2015). Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-512828-7

© Гилярова Н.
© Издательские решения

Содержание

Шкура от кутюр	6
Шарманка	15
Финтифля	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Финтифля Рассказы

Наталья Гилярова

Литературное бюро Натальи Рубановой

Редактор Наталья Рубанова

© Наталья Гилярова, 2021

ISBN 978-5-0051-2828-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Шкура от кутюр

У Юли большие оттопыренные уши, утяжеленные еще очками, сутулая спина, волосы оттенка тараканьей лапки. Ей не нравится, как устроен мир. Нелепый, жесткий. Был бы хоть кто-нибудь разумный на свете! Ей бы просто знать, что кто-то есть. Хотя бы один. И уже стало бы легче.

На окне в пластмассовом ящике выросли четыре циннии. Четыре прямых стебля, завершенных красными пятнами. Эти небольшие пятна загораживают Юлю от жесткого мира. Проснувшись утром, она долго не решается пошевелиться. Ровно так чувствовал бы себя кузнецик на колесе грузовика, если бы только осознавал, где находится, и что с ним будет. Юля притворяется перед миром, что еще спит, а страх между тем давит на хребет. Жизнь кажется похожей на игрушечку, такая она хрупкая, ломкая безделица.

Позвоночник уже согнулся под тяжестью страха, и шкура сильно истончилась. Вначале, в юности, когда Юля только ощутила зыбкость своей шкуры, она даже обманывалась, полагая, что можно занавесить потертости приятными тканями, прикрыть одеждой, задрапировать. И приобрела для этого платье Мезон Ля Валет. Потребность в новом, крепком, блестящем панцире-платье была у нее даже сильнее, чем у модниц – существ с прочным кожным покровом, использующих драпировки просто для удовольствия.

Таким образом, у Юли появилось ладное, красивое, узорное платье. Но оказалось, что оно бессмысленно, когда нет нормальной шкуры. Ему просто не на чем держаться!

А в следующем году и пятен цинний уже не будет, и придется строить свою защиту заново.

Телевизор завопил, дверь скрипнула. Шаги: это бабушка располагается в новом дне.

– С днем рождения!

Бабушка подарила картинку в рамке. Нарисованные деревья. Странно нарисованные, как будто сфотографированные.

Юля вежливо поблагодарила.

– Это – Шишкин! Пригодится тебе для работы, как образец!

– Вот оно что, – прошептала Юля.

Бабушка поджала губы, обиделась. Юлина бабушка не в лучшем вкусе – платиновая блондинка. Уголки губ у нее круто выгнуты вниз, тонкие ножки тянутся из-под короткой юбочки, и на них видны узлы жил – жилы прозрачные, как будто виниловые, и наполненные синей пастой. А голос писклявый.

Бабушка принялась напевать: «В желтой жаркой Африке...». Мелкая дробь – сыплет бусины на пол. Собирает, и ей мешают, поскрипывая, наманикюренные ногти. Набравшись храбрости, Юля отрывается от подушки и смотрит на мир: изувеченная платиновая блондинка, с изуродованными голыми ногами катает бусины по полу, старается, на что-то надеется... Разве этот мир устроен разумно?

– А что, ты на работу не идешь? – поинтересовалась бабушка.

Наверное. Пусть. Невозможно. Как-нибудь... Юля почувствовала свою шкуру и поняла, что уже почти дыры. Просвечивает, не защищает, не держит тепла. Хорошо дереву, туче, ветру, камню... А ей нужно исполнять должное человеку, навязанное. Не быть собой. Жить – значит делать то не знаю что, как в страшной сказке. Костенеть одной в бессмысленном месте. Если бы можно было хотя бы услышать голос, который объяснил бы... Если бы разумное существо было на свете. Хотя бы одно...

– Пригодится, – выдавливает из себя Юля, – очень хороший образец.

Она плетется в ванную, вся в ночной паутине, пытается отвернуть тугой проржавевший кран, но кран не поддается. А если бы разумное существо было здесь! С большущими, сильными, как у дельтапланериста, крылами, шуршащими, как шелковые, перепончатыми, как у летучей мыши. Любой кран легко открыть мановением такого крыла. Да Юля и сама смогла бы все на свете с такой поддержкой, пусть и нефизической! Мир стал бы мягким, не железным, и тем более, не заржавленным. Дельтапланерист взбил бы своими крыльями небо, землю, как цветную сметану, и расставил бы на всем этом росчерки кисточкой хвоста, как художник – подписи.

Получились бы прозрачные акварели. Не макеты деревьев, не жесткий пейзаж Шишкина, а совсем другой, воздушный. В акварельном мире может существовать любовь – самый чистый первозданный тон, который затоптали жирные бессмысленные мазки. Художники так и говорят о залежах лишней краски: «грязь». И ржавчина. Но под всеми наслоениями – изначально ровным прозрачным слоем – она – основа жизни. Она – невиданная. Она – мифическая. Любовь.

День рождения – не день ангела. День рождения – как раз день без ангела, день одиночества, оставленности и отделенности, заброшенности человека в мир и заброшенности его в этом мире. Но и день ангела – такой же точно, без ангела. Никогда еще ангел не вставал за стулом именинника. Не оведал его шелковыми перепончатыми крыльями.

Юля суетливо собралась, задрапировала раны невзрачной одеждой и потащилась на работу.

По дороге она каждое существо молила быть поласковее, даже встречных кошек. Особенно опасалась шелкопрядов-оборотней. Хищность бывает разной, различаются способы пожирать плоть. У клопа свой, и у волка, и у стервятника, и у хорька. А оборотень притворится шелковым клубком, глядь, а это клубок перепутанных грязных обрывков веревок, какие накапливаются под мойкой к бессмысленной середине жизни...

Не только любое неласковое слово ранит Юлю, но и случайный взгляд сбивает с ног. Она спотыкается и хватается за воздух. Неразумно оставлять живую тварь в жестком мире незащищенной, без опоры, без поддержки, а потом увечить, узлами вязать ей жилы. Каждый до единого здесь – агнец на закланье, все – глина.

Нарисованные деревья – это еще не так страшно, как макеты. Изображение дерева – только отсутствие дерева. Но настоящее отрицание дерева – его макет. Макет – ловушка для живого. Именно такие макеты делает Юля в большом бетонном доме. Вопреки всему своему существу. Отрицания из пенопласта. Здание принадлежит киноиндустрии, а киноиндустрия огромная и запутанная, у нее даже свои автобусы – и много, одни возят на съемки в скверы и разные локации, другие, бархатные изнутри – даже в далекие и недоступные края, на моря... Там – тоже локации и дома отдыха...

На одном из высоких этажей располагаются цеха. В Юлином делают реквизит для мультипликационных фильмов. Она – крошечная шестеренка в огромном механизме. И из всех автобусов ездила только в стареньком рафике, ползущем после свертывания рабочего дня к метро.

В лифте – уже на подступах к цеху – Юля посмотрелась в зеркальную стену: гадкие уши, и этого уже не исправить – никогда, даже если будем бессмертны, даже в раю придется ходить с выпирающими ушами – среди разумных, прекрасных...

Юля входит в помещение, и ощущает своей зыбкой шкурой, что здесь – гиблое место. Только живой ветерок, бывает, залетит, если открыты форточки. Но и ветерок сразу же поглощается нежитью, которую творят люди. Как будто художественное образование нужно нарочно, чтобы лишиться прекрасного мира – солнца, света, цветов и озер – быть замурованными в ограниченном синтетическом мирке, и не видеть ничего.

Начальник – старый князь Шаховской – обернулся и посмотрел на Юлю. Она как раз ваяла дерево пилой и молотком, от его взгляда пошатнулась, и пила со скрежетом скрестилась с молотком. Князь недоуменно произнес:

– Что за выражение лица? Ты что, совсем не хочешь трудиться, приносить пользу обществу? Нужно работать, у нас не коммунизм здесь. И не рай, – он иронически улыбнулся.

Шаховской догадался и озвучил юлину постыдную тайну, и теперь весь цех знает, что она совсем не хочет трудиться для общества. О, позор! Она хочет только заплат на свою шкуру. Чтобы какой-нибудь демиург починил ее, подлатал, сделал новенькой. И особенно над ушами поработал. Ей не хочется самой ваять нежить. И прощать нежити ее существование. Юля знает, что из-за потертости шкуры она неприемлема среди людей, неудобосказуема.

Жизнь – чудо. Но как-то так получается, что внутри чуда конкретная человеческая жизнь уже ни в коем случае не чудо, а только бесприютность. Желанное – всегда манок, виноград для лисицы. А если потрудиться и достать с ветки виноград, он и на самом деле окажется зелен. Добытое трудом – никогда не вкусно, только чудесное – вкусно, а чудесное – это дареное. Есть только одно такое место, где виноград – дареный. Место это называют «рай» и иронически улыбаются. Потому что место это воображаемое, на самом деле его нет.

Пробил час веселья и мастерская села завтракать. Тетки разливали чай, раскладывали бутерброды. Веселый князь принялся за комплименты, ласково отпустил один такой подающей ему бутерброд ассистентке:

– Ты похожа на Лайзу Минелли, только она страшнее.

Все захохотали, «Лайза» громче всех.

Одна сотрудница, Ольга, оставалась в своем углу и жевала там сухое печенье, постилась. Потому что на дворе стояла среда. Зато по понедельникам, вторникам и четвергам она сидит со всеми. Но говорить с ней все равно не о чем.

«Лайза» тоже не всегда со всеми. На широком кожаном ремне она носит коробочку—шарманку. Закрывает уши крышечками и слушает свое. Не слышит князя Шаховского, не слышит никого – отрывается, на полшага выходит за пределы неживой мастерской. У лайзиноного сына Сеньки вечерами поднимается температура. Говорят, ребенок перенапрягся, учился сразу в двух школах. Его собираются отправить бархатным изнутри киноиндустриальным автобусом в края и моря отдыха, потому что князь добрый. Юля тоже закрыла бы уши крышечками, чтобы не слышать шелест фальшивых листьев, скрежет собственных инструментов, свой слабый голос, обращенный ни к кому.

По пути домой она купила в булочной-пекарне песочный пирог с орехами и медом, свежий, их собственного изготовления – все же день рождения, все же круглая дата, тридцать. К пирогу она выбрала самый желанный на свете и красноречивый виноградный сок. Сок этот шепчет о счастье. На нем изображен виноград явно даренный лисице, спелый и вкусный.

Была одна. Бабушка уехала играть в преферанс.

– Пригласи компашку, – великодушно разрешила она.

Когда-то давно у Юли была подруга – Олеся. Необычная, яркая, она умела выдувать пузыри из жвачки, загадочно смотреть, фыркать, хмыкать и тренькать соловьем посредством целлофанового пакета. В детстве Олеся и Юлю вместе мыли в ванной их мамы, они плавали там и ныряли. Потом гуляли в новых шляпах с мишурой на Карнавале. Потом, залезши на дерево, читали стихи, и Олеся учила Юлю фыркать, загадочно смотреть. Потом вместе поступили в художественное училище. И, конечно, всегда приходили друг к дружке на дни рождения. Но однажды пришли сорок незваных гостей и все испортили.

Когда Юле исполнилось девятнадцать, Олеся неожиданно произнесла нечто странное:

– Я не приду. Не могу прийти. Потому что сегодня день сорока мучеников. Если бы их было меньше – ну три, ну четыре... Но сорок... извини, не могу.

Так вместо Олеси у Юли на дне рождения появились сорок мучеников, и с тех пор они приходили каждый год, и числом не убывали. А Олеся потом вышла за дьякона, теперь ее зовут Ольга. Она сидит с Юлей в одной мастерской. И делает кукольную утварь – очаги, котелки, бусы – игрушечные игрушки. И разговаривать с ней не о чем.

Юля расположила на кухонном столе пирог, нож, чашку, пакет. И свечу к ним, и спички. Надо сделать так, чтобы пиршество получилось красивым. С удовольствием потрогала жесткий лист оберточной пирожной бумаги, который промаслился до прозрачности, полюбовалась изображением райской кисти винограда. Она не хотела замечать своих сотрапезников – сорок мучеников. И взялась за пирог...

На зуб попал таракан. Оказалось, на вкус тараканы еще гаже, чем на вид. Новый опыт, новое знание, жизнь продолжается, только шкура слишком тонкая. Запила таракана соком, но и сок утратил все свои чудесные свойства, онемел. Только мученики ухмылялись и глумливо хихикали.

Сожрав таракана, Юля все же попыталась не расстроиться. А действовать разумно. Взялась пришить пуговицу на джинсы – чтобы следующий год жизни отличался наличием нужной пуговицы на предназначенном ей месте. В подобной соразмерности вещей есть что-то обнадеживающее. Юля перевернула жестяную коробку пуговиц на атласное бабушкино покрывало – бабушка баловалась и атласом, и плюшем.

Когда-то Юля мечтала об интересной жизни, о веселых друзьях, о нежной любви. Она заботливо создавала свою мечту, мысленно лепила идеальную форму своей жизни. Тщательно продумывала детали и доводила до совершенства, украшала всячески. Потом таскала эту мечту с собой, прятала, берегла. И улыбалась даже, ощущая ее вещественность в кармане души.

А теперь мечта давно потеряна. Пиратская карта, на которой отмечено, где лежат сокровища, выпала из дырявого кармана. И восстановить нельзя. Да и незачем, эта карта не нужна больше, она врала. Сокровищ нет. Теперь все мечты не настоящие, а пустые. Это те, которые совсем без надежды сбыться.

На покрывале валялись пуговицы от бабушкиных нарядов, давно изношенных. Их срезают перед тем как избавиться от ненужной тряпки. Пуговицы – кости одежды. В той же кучке валялись и косточки внучкиной мечты – пуговицы от истлевшего платья Мезон Ля Валет.

В начале юности бывает свежим и нежным блаженством ожидание жизни. Когда мечтаешь. Потом ждать уже неудобно – но все же не уходишь с перрона – вдруг жизнь заблудилась, как электричка? Но ни один провод не прожужжит, только голодная дворняжка вылизывает пустой пакет. И наконец, ждать становится совсем тяжело – исчерпывается запас прочности, шкура истончается, ресурсов не остается. И больно, и глупо, и стыдно. На перроне скользко и холодно, наледь, ветер. А дома у тебя нет, потому что ты всегда на перроне.

Юля услышала шаги по ступеням – и затаила дыхание... Бывает, и на улице она услышит шаги за спиной, и тоже – замрет, затаит дыхание... Вдруг это чудо... Оглянется – ворона или воробей топает... И ругает себя: глупо мечтать, когда уже взрослая, жизнь отлита, как ни на что не годная пластмассовая закорюка, нечему меняться и нет пространства для перемен, живешь в синтетическом лесу, мир нелеп и жесток, чудес не бывает...

И она обращается к вымышленному Разумному: «Что делать в такой безысходности? Ведь я сама не знаю, и не могу этого знать... А ты бы подсказал мне... Но ты не существуешь... А мне невыносимо в этой драной шкуре! Хочется бежать, куда глаза глядят... Может быть там, за горизонтом, меня подлатают...».

Шаги были бабушкины.

– Я не рано, все ушли? И посуду уже помыла? Взрослеешь!

Зарычал телевизор. Внучка углубилась в свой серый пружинистый диван, замотавшись пледом. Совсем не видима для нее, в другом пространстве... С ней в одном – страшно более

всего потому что она все знает о жизни. В том значении этого слова, которым пугают детей: «Много будешь знать, скоро состаришься!», и все еще можно испугать Юлю. Даже если ничто от жизни не запечатано внутрь бабушки, все наслоилось снаружи – обозначилось, отложилось – дряблыми морщинами, бородавками, восковыми мешками. И когда бабушка проходит мимо, жизнь ухмыляется.

Разумно было бы человеку появляться на свет немощным и сморщенным, а потом постепенно разглаживаться, хорошеть, оживать – прилаживаться к жизни, проникаться ею, напитываться. Но время – это когда все наоборот. Резвость и гладкость даются впустую, а старость – поперек жизни, ухмылкой. И зачем человека мучить, если жизнь его все равно такая маленькая?

Чай с гвоздикой, как и плед, защищает от бабушки. «Она гвоздику не любит, значит, я не такая как она, и, может быть, не буду такой старой». «И ромашки бабушка цветами не считает – она другая, другая. И ничего не знает обо мне».

На следующий день, поднявшись на свой киноиндустриальный этаж, едва выйдя из лифта, Юля ощутила запах полыни – горячий, лезущий в душу. Такой неожиданный здесь, в синтетическом мире. И увидела Олесю. Та, прислонившись к стене, выдувала пузырь из жвачки. Ее задорные кудряшки обрамляли милое личико. И Юля отчего-то не испугалась Олесю. Не пошатнулась, не схватилась руками за притолоку или воздух! Она чувствовала себя храброй, как в детстве! Олеся радостно улыбнулась Юле, подошла к ней, взяла за руку – как будто ждала.

– Вчера был день твоего рождения. И мы придумали для тебя подарок. Задержались после работы, думали всем цехом, и придумали! Князь выпросил для тебя путевку. Он сказал: невозможно жалко смотреть, как Юлина шкурка истончается. Пусть она погуляет, подышит пусть. Ты едешь в дом отдыха!

И Олеся протянула четвертушкой сложенную бумагу – теплую и надежную на ощупь, пушистую и тактильно приятную.

– Вот оно что...

Как под тупым ножом помидорный сок из помидорного плода, неуправляемо брызнули слезы из Юлиных глаз. Юлю, ассистентку художника, ждал тот самый автобус, бархатный изнутри. Она отправлялась в края отдыха. Никогда еще ассистентки художников не поднимались в этот автобус. Всю дорогу Юля плакала, это были светлые очистительные слезы благодарности, смывавшие пыль с ее глаз. И паутину, и ржавчину, и всю грязь.

В том же автобусе ехал и Сенька, лайзин сын. Порывистый ребенок с рюкзаком за плечами и мячом в руках. Он совершенно не выглядел больным, напротив, так и лучился энергией и любопытством. А самое удивительное, что Юля его не боялась.

Дорогой она вспомнила историю Железного Дровосека, который отрицал деревья, рубил их, это тоже было его работой... Потом он оказался искалеченным, и ему сделали железное тело. Может быть, и ее починят?

Вскоре Юля и Сенька оказались в толпе настоящих деревьев. На лужайке пахло полыню. Кузнечики существовали, как сто лет назад, и стрекотали. Они даже не заметили, что Юли какое-то время не было с ними... А может быть, она никуда и не пропадала? Никогда не отрицала деревья? В синтетическом лесу не бывала, не видела, не трогала нежить? Жила мирно – дышала, смотрела, слушала. На Карнавале с Олесей была – а потом больше ничего не было. Киноиндустрии нет на свете. И оборотней никогда не было на свете, и болезней, и старости.

Солнце, трава. У озера слышно настоящее кваканье, запах горячей тины. Юля метнулась в ту сторону, примостилась над водой и вдыхала, закрыв глаза, пока не внушила себе, что она – вроде лягушки, что действительно находится в этом лесу, а не в том.

Сенька сразу же скрылся из виду. Слышался только далекий звон мяча.

Посидев на бережку достаточно, чтобы стряхнуть с себя первую усталость, Юля достала плотную бумагу—путевку, прочитала, что ее номер второй, и отправилась искать это место. Номером оказался маленький отдельный домик с крылечком. В симпатичной деревянной двери торчал ключ. Юля повернула ключ и вошла. Там все было новое, дышащее свежестью. Матово желтые стены еще слегка пахли краской. А на свежевystруганных досках пола даже осталось пятнышко этой краски, и сияло. Вангоговская кровать застелена уютным покрывалом. Кто—то красил, убирал к ее приезду! И даже выставил на столик пакет виноградного сока и сияющий чистотой стакан. Окно распахнуто, но и за пределами комнаты все спокойно, не жестко, небо мягкое, как цветная сметана, и запах полыни. Казалось, Разумный побывал здесь, нарисовал это небо, приготовил эту комнату...

Юля вышла из домика, чтобы еще раз испытать мягкое заоконное пространство. Пряные запахи трав, млеющих на солнце. Песчинки дорожки переливаются, как драгоценности. Сейчас бы яблочко... Она увидела яблоню с плодами именно той спелости, какую вообразила. Чудеса! Шутка подсознания? Допустим, она увидела яблоки сначала не настоящими глазами, а, к примеру, глазами желудка. Они запечатлелись в мозгу, и она о них размечталась. А потом уже увидела настоящими глазами настоящие яблоки и удивилась. Может быть, она уже видела и Разумного другими глазами? А вовсе его не выдумала?

Они с Сенькой отправились на ужин в чудесный павильончик, увитый девичьим виноградом и какими-то яркими цветами. Столик был накрыт, но никого не видно. Такими купеческая дочь из сказки об «Аленьком цветочке», увидела владения сакрального Чудища. Наверное, сказочная девушка себя чувствовала так же, как Юля теперь. Окруженной заботой. И даже любовью.

– Кто все это делает, накрывает нам стол? Почему никого не видно?

– А, это персонал. Клавдия Ивановна. Я ее видел.

– Какая милая, должно быть, эта Клавдия Ивановна! А другие отдыхающие здесь есть, кроме нас двоих? Не замечал кого-нибудь?

– Этот Дом Отдыха ремонтировали. Или будут ремонтировать. В общем, только два номера у них в порядке. Так что никого больше нет.

После ужина Юля вернулась в свой номер. Это – не просто комната, подумала Юля, а заветная, исполняющая желания, как та, которую искали герои «Сталкера». Только они стремились туда, чтобы загадать желания, а воплощением юлиной мечты была сама комната, заветным желанием – просто находиться в ней.

Ночью, любопытствуя Вселенной, она сидела на крыльце и не боялась. Страх пропал с того самого момента, как она увидела Олесю выдувающей пузырь из жвачки. И теперь она любовалась луной и звездами – теми их них, что позволяли разглядеть очки. Но ей было достаточно!

Когда легла в постель, истертую шкуру пластырем спеленало легкое одеяло. Ей нравилось смотреть на отдыхающие ночные стены и потолок. Казалось, что душа округлилась и стала как мяч. Всячески поворачиваясь, она не ранила больше грудь изнутри. Быть мячом. Мяч – это круглая бескрылая птица, прыгучая птица... У каждого свой мяч. У Сеньки – кожаный, какой ему нужен, у Юли – душа скаталась в особый душевный мяч, нужный ей.

Легкий запах краски – чьей-то заботы – завораживал и убаюкивал. Как это чудесно, когда о тебе заботятся! Ты не одна, мир не пуст. Юля чувствовала, как надежда укачивает ее, уже не пустопорожные мечты, как было дома, а цельная надежда. И не страшны костяные пуговицы старой одежды, скелеты истлевшей жизни. Юля смело шарила мыслью во Вселенной и находила себя в свежевystруганных яслях, емкости для будущего. Это вовсе и не комната, это ясли!

Так может, и не нужно жить лягушкой, делаться деревом, тучей, ветром, камнем... А можно остаться такой, как есть, и все равно не страдать? Она улыбнулась и прошептала:

– Вот оно что...

Вода, если плавать беззаботно, пристает к шкуре, как шелк. Закрытый купальник был великоват Юле и не мешал воде обтекать ее тело. На берегу у илистой запруды какой-то рыбак, похожий на фонтанную статую из серого сырого камня, удил рыбу. Сенька побежал смотреть улов, но статуя не ожила. Она только процедила, что рыба не клюет. Рядом стояло пустое ведро.

В этот момент Юля ощутила, что нечто живое бьется рядом. Она купальником поймала настоящую, скользкую и прохладную рыбу! Пришлось помочь добыче выбраться из сетей. Та вильнула хвостом и уплыла. Серебряная, не золотая, но все равно – сказка.

После купания Юля рассказала о своем приключении с рыбой Сеньке. Мальчишка так и не понял, может ли так забавно врать серьезная тетка в очках? Еще тетка врала, что у нее есть бабушка.

– Она прекрасно играет в преферанс, носит все самое модное, и прически, и макияж. Первокласная бабушка!

– А у меня бабушка всегда ругается, – поддержал разговор Сенька, – нельзя даже маленькое пятнышко посадить, даже точечку. Я попробовал, специально нарисовал маленькую синюю точку на обоях – заметила!

Юля долго смеялась. Потом они пошли в обеденный павильончик.

Дорожку, бултыхаясь в воздухе, преградили две бабочки: белая и желтая. Делая кульбиты, они обмахивали и щекотали друг дружку крыльями, а потом поменялись ими – у белой оказались желтые крылья, у желтой – белые. Бабочки выглядели живой аллегорией. Они читались, как брошюрки. И Юлю радовало, что такое наглядное пособие раскрылись перед ней.

Вдруг она споткнулась. Чуть было не наступила на мумию большого насекомого с клешнями, многосуставными тонкими ногами и многочисленными жалами спереди и сзади. Сухое его обличье лежало посреди дорожки, распавшись на мозаичные фрагменты. Сенька наклонился, поднял мохнатую лапку с когтями.

– Ну точно, это шелкопряд—оборотень, очень опасное насекомое. Но не бойся, оно сдохло! А вообще-то оно пьет кровь, и может очень много выпить. И нападает всегда неожиданно, – тараторил Сеня.

– Он меня жалил. Это больно. Но только он выглядел совсем иначе, – припомнила Юля.

– Конечно. Это же оборотень, – подтвердил Сеня.

– Совсем иначе, – подчеркнула Юля, – скорее, как шелковый клубок.

– Ну конечно. Как все оборотни-шелкопряды. Но теперь оно не ужалит.

Юля ощутила, что карманы ее души переполнены подарками. Она стала осматривать их. Прежняя Олеся. Путевка, плотный лист. Комната и виноградный сок. Яблоки нужной спелости. Шелковая вода, и пойманная рыбка. Бабочки, которые трепетали и щекотались... И особенно веско оттягивала карман мумия безопасного теперь оборотня...

– Правда, здесь все удивительно разумно устроено? – Юля решила поделиться радостью с Сенькой.

Но мальчишка ничего такого не замечал. Ему наскучил мяч, и он принялся ловить бабочек – беленьких и желтеньких, отрывать им крылышки и скармливать паучкам и муравьям. Юля этого не видела. Она навзничь на теплом пригорке пыталась запрыгнуть на облака—барашки.

– Тебе не скучно здесь? – удивился Сенька.

– Я могла бы провести так тысячу лет! Даже, может быть, полторы тысячи.

– А мне скучно. Поиграть не с кем. Девяносто три шага на семьдесят шесть. Прямоугольник, огороженный забором. Знаешь, сколько раз я все исходил здесь? Всю траву вытоптал! Мать должна приехать. А то бы я здесь не остался!

После обеда Юля, по обыкновению, лежала в шелковом пластыре простыни, улыбаясь желтым стенам. В двери коротко стукнули и сразу же ее распахнули. Вошла довольно громоздкая женщина с круглым лицом, большими мягкими щеками. На ней был синий рабочий фартук, на голове синяя косынка.

– Добрый день! Хорошо отдыхаете? Путевку вашу предъявите, пожалуйста.

Юле пришлось встать, завернувшись в простыню, и путаясь в ней, хватаясь за предметы и воздух, искать путевку. Она нашла, робко протянула бумажку Клавдии Ивановне.

– И паспорт предъявите, – коротко приказал персонал.

Юля опять мучительно искала, нашла, протянула.

Персонал присел к столу и сверял то и другое, шепча губами.

– Почему путевка на имя Лайзы Минелли, а вы – вы Юлия Шишкина?

– Да, – виновато прошептала Юля, – я – Юлия Шишкина.

Протертости шкуры особо чувствительны под пустыми карманами, когда шарить в них в поисках медной полушки. Остаться и отсидеться в шелковой воде, прожить короткую жизнь лягушки – было бы разумно, но невозможно. Надо возвращаться к людям.

Циннии засохли, бабушка забыла про них. Она проигралась в преферанс, и теперь толстым слоем тонального крема пыталась замазать расцветенный кем—то глаз. В мятом пеньюаре металась по комнате. Подняла пестрые горестные глаза на внучку. Юля схватилась за занавеску.

– Отпусти занавеску! Ты взяла мою помаду? Ай—яй—яй!

Все старики очень бедны. Потому что каждый из них волочит чемодан со своей жизнью, и больше у него ничего нет, ни полушки медной. Даже если ничего не проиграно. Все в чемодане, а чемодан все равно скоро выпадет из рук. Зачем лишать помады старуху, мало ее изувечить болезнью и измучить жизнью? Ее кремы и помады сочтены, отстань от нас, Неразумный!

– Где, где моя помада? – и на четвереньках – под юлин диван.

– Я не видела помаду. Меня не было дома. Я сегодня только вернулась.

– Ты взяла мою помаду. А кроме тебя, некому.

– Вот оно что...

Бабушка приподнялась из—под дивана, чтобы грозно взглянуть на внучку.

– А кто пуговицы и всякий мусор рассыпал на моем покрывале? А кастрюльку кто сжег? И за что мне только такая внучка – наказание? И в кого у тебя такие уши? И когда ты отучишься от своего хамского «вот оно что»? Я знаю, ты исказишь всю мою биографию! Ты такое обо мне расскажешь и соседям, и друзьям, и по телевизору...

И они обе плакали о сожженной кастрюльке, о потерянной помаде и пропавшей жизни, потому что время опять продвинулось не в ту сторону: Юля и ее бабушка стали еще старше и несчастнее.

Юля услышала шум за спиной, испугалась, побежала, споткнулась, оглянулась – а это ветер гнал за ней кусок оберточной бумаги, и он несся по дорожке с шуршанием.

В углу мастерской Ольга, склонившись, нашептывала свое. Она приподняла голову, скользнула взглядом по Юлиному лицу, но не улыбнулась и опять склонилась над собственным шепотом. «Она тоже ждет и зовет Разумного, а его нет до сих пор, конечно, ей не до меня, не до пузырей из жвачки. Как и мне – не до нее. Мы ждем. А тогда, в детстве, мы еще не знали,

что ждать придется так долго и трудно. И только поэтому могли беззаботно нырять в ванной, болтать, читать стихи и гулять на Карнавале...» – поняла Юля.

Князь Шаховской царственно обернулся. Юля пошатнулась, схватилась за пенопластовую ветку дерева.

– Дерево сейчас сломаешь!

Князь просто так смотрел на Юлю. У нее был приятный для глаз свежий цвет лица. Вообще, симпатичная девочка, только очень уж унылая.

– Путевку в дом отдыха мы дали Лайзе. Она – кто ж еще – должна быть там со своим больным ребенком. Автор перепутал, кому путевку. Есть у меня даже подозрение, что сделал он это нарочно, так он тебя жалеет, что ерунду всякую выдумывает для твоего удовольствия. Даже в ущерб своей писательской репутации. Ну да ладно, мы провели с ним беседу и это исправили. А тебе решили от всего нашего коллектива подарить на день рождения плеер. Держи!

Князь протянул ей красивую, новую коробочку. Юля вежливо поблагодарила, достала игрушку из упаковки, повозилась с ней, и надела, наконец, наушники. Плеер заработал. Джазовая волна несла в недра ушей: настоящий лес, теплый песок и озеро, запахи тины, полыни и свежей краски, крылатых бабочек, шелковую воду, прыгучие мячи – и все это плыло как в лодочке, или в свежеструганных яслях – емкости для будущего. И вся поклажа была укрыта, как брезентом в шторм, надеждой.

Сквозила вся Юлина шкура, кроме ушей. А ушные дыры теперь залатаны этими наушниками. Ушам не страшно. Невзирая на их форму даже. Потертости остались на коленях, локтях и кистях рук, на глазах, на щеках, на губах, и все это саднит по-прежнему... но уши уже спасены!

Шарманка

Идут двое сироток по далекому пути, по широкому полю... и видят озеро, а около него пасется стадо коз.

– Сестрица Аленушка, напьюсь я водицы из озера...

– Не пей, братец, козленочком станешь.

Русская народная сказка

Много всякого народу обитало на окраине, и Ванечка, и отец его Сансаныч – прокурор района, и артистка Любушка, и Аленка, племянница прокурора, и дворничиха Екатерина Петровна.

Этот Ванечка родился в семье Сансаныча по какому-то досадному недоразумению. Балбес не хотел учиться, груши околачивал. После того, как мать ушла в больницу на ерундовую операцию и не вернулась, ужиться в одной квартире прокурор и его сын решительно не могли.

Благо Аленка тоже жила недалеко. Ее мать, сестра прокурора Сансаныча, вышла замуж в Америку, и Аленка осталась одна. Девушка выросла обыкновенной внешности – свежие розовые щечки, полные розовые ляжки, бесцветные, стянутые в хвост, волосы, бледные брови и ресницы, а косметикой она не пользовалась. Уезжая, мама не успела научить.

Аленка училась прилежно, только без увлечения, а окончив школу, шла-шла по улице, зашла в какое-то учреждение и попросилась на работу. Ее и приняли. Это оказался СОБЕС, она там принимала посетителей. Зарплата полагалась символическая, а сидеть приходилось от и до. Мама в Америке жила бедно и не помогала. Но помогал дядя Сансаныч. Раз в месяц заходил, пил кофе и оставлял купюру под чашкой. Как в ресторане.

Аленка была девушка тихая и добрая, и Ванечка однажды после ссоры с отцом попросился переночевать у сестры. А потом и пожить. И домой возвращаться отказался. Но сестра оказалась не против, ей-то брат-балбес нравился. У него было личико фарфоровое, и такие славные мальчишеские черты, прелестные губки, глаза синие и невинные, как будто нарисованные, даже туманные, оттого что нежности переложено. В личике наблюдалось то неизъяснимое, что составляет главную загадку жизни. При этом фигурой он отличался грациозной и соразмерной, как египетская статуэтка. А что она любит братика сильнее, чем сестра, никто не догадывался, ни Ванечка, ни даже сама Аленка. Она предвкушала, что когда братик женится, она так же и жену его полюбит, и детей. И они ее будут обожать, рисовать ей рисунки, нанизывать бусы из бузины.

Однажды в СОБЕСе случилось непоправимое. В коридоре умер старик. Такой милый, в аккуратном сером костюме, с авторучкой в нагрудном кармашке. Он читал томик словаря Даля. А потом сказал, что ему душно, нельзя ли открыть окно. Начальница ответила, что нельзя, своим обычным грубым громким голосом, а он сполз со скамейки и умер. Аленка не была виновата, но все же это к ней он томился в очереди, ее ждал. Если бы она как-нибудь побыстрее управилась с остальными... Или догадалась выйти в коридор, посмотреть, не душно ли там, все ли хорошо себя чувствуют...

Только тело увезли, как бабушка в сумке принесла внука. Ребенок был похож на обглоданную воблу и не разговаривал. Старушка утверждала, что внуку семь лет, мать его – ведьма, не кормит и бьет – дрессирует, чтобы он выступал в цирке, варьете, или еще где-то. Аленка про себя подумала, что старушка присочиняет, такого не может быть, но ведь нужно всем им как-то помочь, потому что внук тихо скулил, а бабушка плакала. Аленка совершенно не знала что делать.

Она открыла свой рабочий телефонный справочник, и нашла: «**SOS! Звоните о пропавших детях 401-99-82**». Но это существо, не похожее на ребенка, не пропало. Оно было тут и смотрело печальными человеческими глазами.

Этим летом в выходной день Аленка с братцем Ванечкой решили погулять. Пошли по тропинке. Тропинка начиналась тут же, у окраины города, и шла вдоль стройки. Аленка задумала сплести веночек. А на обочине как раз цвела ромашка. Подошла к ромашке. Дернула ее изо всех сил за стебель, потом еще, и еще. Ромашка под ее рукой судорожно рвалась ввысь, силясь высвободить корешки, но вырваться не могла...

В этот злосчастный день Аленка сама чувствовала себя такой точно ромашкой, рвущейся ввысь – все ее существо противилось укорененности на земле, как будто кто-то дергал... Она бежала по лужам, к себе, к Иванушке, домой.

Оцепенелая, прислонилась к родной двери. Из щели пахло свежеиспеченным хлебом. Совершенно расстроенный ее палец с трудом выдавил звоночек. Нежный, молочно-белый мальчик вышел ее встречать. Грациозный, с длинным, гибким телом, румяными пухлыми губами и глазами-звездочками, но немного запорошенный мукой братик Ванечка. Он увлекся хлебопечением. С утра просеивал муку под «тяжелый металл». Червячков выбрасывал и месил тесто. К возвращению сестры хлеб как раз бывал готов.

Ванечка совсем соскучился один, он радостно поцеловал сестричку, и она ожила в розовом климате свежего и чистого младенчества. Восторженный ребенок кормил ее горячим с корочкой. Ромашечное дребезжание внутри стихало, нутро уже принимало даже медовый хлеб (к сожалению, только метафора, меда не было). Если не думать... Аленка мотала головой, отгоняя мысли.

– Что это ты машешь хвостом? И так холодно.

Прямо во дворе находился клуб «Вау». Там царил полутьма, блики, свечи, психоделия, своды деревянные, запах и дым сандаловые. Кресла бархатные, заглывающие сразу и целиком. И цветные шарики мороженого. Аленушка с Ванечкой иной раз заходили туда и понарошку смотрели представление. А на самом деле вдыхали покой.

– Пойдем посидим в Вау? – предложила сестра.

– Так ведь ты устала на работе, а пока дойдем, совсем измучаешься...

– На лифте спустимся и дерево обойдем. Совсем недалеко. Ты не устанешь.

– Я не устану, а ты устанешь.

– Я не устану, и ты не устанешь.

Ванечка стал думать. По его чистому лбу тяжело проезжали мысли, оставляя кривые борозды.

– Джесси, домой, – заунывно звали на вечерней улице, – Джесси, Джесси!

– Только пусть они не показывают ерунду. И если там есть мороженое. А то ради чего я должен переодеваться в чистую рубашку?

Давали представление с черной магией. Аленушка купила братику мороженое.

– Футбол лучше мороженого. Азартней, – заметил Ванечка, располагаясь в кресле, – и не нужно переодеваться.

На сцене появилась артистка, которую представили Любушкой. Она имела уютный мягкий экстерьер. Но одета была вся в черное и кралась по-кошачьи. При этом деревянные своды Вау похрустывали, бархатные кресла подрагивали. В руках Любушка несла мясные ножи. Вот она метнула мрачный взгляд на зрителей. Ванечка шарханулся и вцепился в сестричкин рукав.

– Не дергай, – попросила Аленка.

– Она мне не нравится. Наглая, – заметил Ванечка, – чего она от меня хочет?

Любушка принялась виртуозно жонглировать ножами, а напоследок ловко втемяшила их все в потолочную балку. Одно из лезвий так при этом сверкнуло, что Ванечка выскочил

из кресла и унесся к двери, там споткнулся, растянулся, но благополучно переполз притолоку, подпрыгнул...

– Как же ты без меня? – с укором погналась за ним сестричка.

Она поняла, что теперь воздушная душа братика ромашкой рвется ввысь, и все его существо противится укорененности на земле.

Сестричка попробовала утешить Ванечку тремя темными бутылочками чешского пива, блинчиками с курагой, селедочкой в винном соусе с шампиньонами, и «Сникерсами». Консервы они терли об асфальт, чтобы съесть поскорее в качестве антидепрессанта. Чтобы дойти до дома.

– Это ведь фокусы, понарошку, а ты убежал.

– Нужна она мне.

– Но теперь тебе уже не страшно?

– Теперь вкусно, Новинка.

– Почему я – «новинка»?

– Так мне кажется.

...вдова. Аленка совершенно не знала, что с ней делать, а по работе должна была знать. Несчастное коровье лицо с выкаченными глазами, щеки в грязи, руки переломаны и неправильно срослись, и четыре платка на плечах. Супруг скончался просто ни с того, ни с сего, свекровь обрадовалась и выставила. Вдова ночует во дворе. Она ничего теперь уже не хочет – только учиться в консерватории.

Аленка растерялась. «Домой взять нельзя, Ванечка расстроится. Бедный и так вчера пережил страх из-за „черной ведьмы“, а если еще вдова в четырех платках... По дороге домой нужно обязательно купить ему мяч, он так давно просит... Только до мяча зайти к юристу, это даже важнее...»

Аленка знала, что спрашивать не о чем, но все равно глупо надеялась – опытный юрист может что-нибудь придумать, если только разжалобить...

– Меня волнует если я умру...

– Завещание? – уточнила юрист с одним деловым глазом (второй заплыл синяком).

– У меня ничего нет. Но брат на попечении, – объяснила Аленка.

– У ребенка есть еще родственники?

– Папа. Но он сына совсем не любит, сразу багровеет и прогоняет. Очень принципиальный, имени собственного Ванечки слышать не хочет. Он прокурор, нарочно выглядит сердитым и с пистолетом. Конечно, Ванечка его боится! Ванечка мухи не обидит, и родной отец за это его презирает. Если я умру, он пошлет Ванечку работать на завод. Он мемуары свои выпускает в твердой обложке, а у Ванечки нет образования...

– Постойте, сколько Ванечке лет? – деловой глаз очень любопытствовал.

– Двадцать девять. Но он совсем-совсем беспомощный ребенок.

Юрист закурила и закрыла оба глаза.

– Проблемная ситуация. Он болен?

– Ужасно, ужасно проблемная... Не болен, но не обычный, понимаете? – залепетала Аленушка, – и нет у него никого на свете. Я работаю в СОБЕСе и поэтому хорошо знаю, что Ванечке не дадут никакой пенсии.

– Думаю, Ваш брат только сам может себе помочь.

Аленка опустила голову, поникла и замолчала.

– Вас беспокоит здоровье?

– Нет, но муж вдовы тоже был здоровый, пока не умер.

– Вашему брату нужно найти работу.

– Он не приспособлен, он не сможет... Вчера споткнулся и упал.

Выползая из офиса юриста, Аленка чувствовала, что одноглазое официальное лицо говорило о Ванечке без должного сострадания.

Примитивные, самоуверенные, сидящие в обыкновенных конторах, не хотят понимать воздушного, благоуханного, предназначенного не для их мелкой возни. Вообще, обидно, что Ванечка тоже должен жить в заасфальтированном городе, испытывая острую потребность в цветочном нектаре и розовом солнечном тепле, и никто не понимает, какие он терпит лишения. И мячей не было, так что пришлось купить мишень со стрелами.

...не знала, что ей делать со старухой, целый день не знала, а по работе должна была знать. У той зуб, растопырив губищу, торчал вперед, словно старуха была носорожья. И сказала, он еще растет. Зато глаз совсем уже не осталось, лицо изношено, шейка вот-вот надломится.

Старуха говорила, она была любовницей Берии, и просила, чтобы ей дали персональную пенсию, потому что если уж она мужчину полюбит, то не изменит... Беденькая старушка. Кому-то судьба посылает Берию, кому-то – цветочного эльфа. Обиженная старуха – желтая, скукоженная, а везучая Аленка – веселая, свеженькая. Аленке стало стыдно. Глазницы невинной старухи смущали ее. Да и вообще каждый день стыдно – горе приходит и просит, а она встречает и выпроваживает его вот такими наглыми румяными щеками. Аленка все ниже опускала голову, а старуха куриными пальцами щипала ее за руку...

Переодеваясь в домашнее, Аленка погляделась в зеркало. Срам, совсем розовая. Ничего, ведь это недолго – скукожиться, пожелтеть... Бедра коснулось теплое: Ванечка тоже наблюдал свое отражение в зеркале. Он изгибался в талии, поводил изящными ножками, поворачивался абрикосовой попкой и свивал штопором длинную шею, любуясь.

– Ах, ты меня испугал.

– А ты не мешайся, Новинка. Все-таки я красивый. Особенно формы и голова.

Когда Ванечка поселился у сестры, он предупредительно сообщил ей, что любит ее как единственного на свете родного человека, и как понимающую душу, и как верного друга, любит сильно и преданно, а отношения на уровне трусов не для него, как и вся низменная часть жизни. И с тех пор не стеснялся ее совсем. Бывало, он увидит плохой сон, или ему грустно, придет ночью, залезет к сестре в постель, и засыпает спокойно. А она обнимает его нежно и чувствует себя нужной.

– Ты – как младенец. И глазки, и животик.

– А какие мускулы, ты посмотри. Но это все ерунда, – заявил братик, – мне неинтересно. Лучше шахматы.

– Джесси, домой! – гнал сосед свое стадо, – домой, домой...

Шахматные фигуры трещали, ударяясь о свою клетчатую территорию, о паркет, о соседнюю крышу – Ванечка некоторые просыпал, и они выпали из окна.

– Осторожно, там Джесси, – попросила Аленка.

– Однажды я сам зарезал корову, – объяснил братик свою брутальность.

И решительно шагнул, довольствуясь тем, что попало на доску. Аленка боязливо дотронулась до пешки. Ванечка прыгнул на коне. Бедная загнанная скотинка, поставит бы в стойло и гладит по носу... Конь такой маленький, и так предан королю, что рискует своей маленькой гривой. Аленка поняла, что напасть на столь трогательное существо не может.

– Твой ход, – обманула она.

Но братик настаивал – хоть немного любую пешечку подвинь, а то скучно одному играть. Аленка не может – назад не разрешено, а впереди любимый братик. Невыносимо трудная игра.

– Ты не умеешь развлекаться, – распереживался Ванечка, – скучно, хочу музыкальный центр современный.

Аленка бегом принесла синюю кружку с музыкой.

– Примитивная мелодия, – поморщился Ванечка.

– Ты посмотри что внутри.

- Я не против, – братик согласился употребить клюквенный морс.
- Джесси, домой, – почти плакал вечерний сосед.

...на одном глазу тень синяя, на другом зеленая. Ужасная история. Зина впустила в дом черную ведьму Любушку, которая обещала каким-то незаконным научным способом найти и вернуть зининога кота, пропавшего еще весной.

Любушка жгла свечи, читала заклинания, лязгала мясными ножами над зининой головой. Кот все равно не пришел, и Зина пожалела платить. Но профессор стала увещевать и душить. «Зря, что ли, я тут лязгала? Столько свечей сожгла? Имей тоже совесть!» Зина смутилась и отдала все, что было. Любушка похвалила ее, сняла проклятия и утекла. Аленка не знала, что ей делать с Зиной, целый день не знала, а ведь должна была знать. Вместо этого купила клубничный десерт для Ванечки и пошла к дяде Сансанычу.

Он в собственной прихожей держался с такой важностью и достоинством, как в фойе Большого театра, если бы его занесло туда с племянницей слушать оперу. Впрочем, обычный для него вид. Предложил тапки, кофе, сигареты и телевизор. Завел вежливый разговор о ценах. Откуда у Ванечки такая нежность и ранимость, трогательная беспомощность? Как он сумел не огрубеть, не вырасти обычным, похожим на папу-прокурора? Сансаныч непринужденно демонстрировал дорогой спортивный костюм, фирменную зажигалку, японскую ручку. У него совершенно предсказуемы даже деликатесы и журналы, лежащие на журнальных же столиках. Дядя стал негодовать на подонков общества.

– Свидетельницей проходит такая дрянь, мошенница, «черная ведьма». А уголовное дело возбудить нельзя.

– Не Любушка ли?

– Любовь Ивановна Соловьева. А ты о ней слышала?

– Не важно. Я за Ванечку очень волнуюсь.

– Ага, понятно. Он еще не нашел работу?

– Он не может работать. Он неприспособленный. Зато он хлеб печет. Он на велосипеде катается хуже всех мальчишек во дворе.

– Вот наглая рожа!

– Неправда, у него лицо чистое, а не рожа! И он плачет от обиды, когда его папа, которого он любит, как маму...

– Балбес!

– Он хочет угостить тебя, – Аленка замазала платком слезу, – просит прийти к нам на домашний хлебушек, который он печет сам...

– Негодяй!

– Ну и прекрасно! В таком негодящем мире лучше быть ни на что не годным, чем преуспевать и стать серым и мелким...

– Это я, да? Это вы обо мне так считаете? – дядя, казалось, был шокирован.

– Нет, конечно, нет... – Аленка случайно проговорила, выболтала сокровенную тайну. Пусть бы жил себе прокурором и не догадывался о своем ничтожестве, из которого ему выбраться все равно не дано.

– Денег больше не дам! Из принципа.

– Как же мне ребенку фрукты...

– Пусть к станку идет.

– Но он не сможет, он погибнет в этом станке, он такой бледный!

– Смени пластинку. Надоело!

Бедный Ванечка. Она чуть было не проговорила прокурору о том, что его сыну чужда низменная сторона жизни. Прокурор все равно не понял бы и не оценил... Спускаясь на лифте, Аленушка чувствовала, что даже лифт в дядином доме слишком механистичен и туп.

«Зато Ванечка чист, зато он знает высшую радость непричастности. Бесчеловечный родитель никогда не сможет даже отдаленно вообразить себе кристальность души и помыслов Ванечки. Он и не знает что такое душа. Как она прыгает сереньким воробушком, и пищит от жалости к невинному, безобидному братику. Ванечка, наверное, едет теперь на велосипеде, старательно вертит педали бедными ножками и не подозревает ни о чем, даже не представляет еще всей жестокости мира. Не дам сожрать моего медово-молочного нежного мальчика! Куплю ему самые пушистые мягкие носки. И сразу три пары. Сегодня он еще не заметит враждебности мира... Он не должен грустить ни одной минутки, его улыбка, как ясное солнышко, и даже несравненно яснее... Он талантливее всех на свете. Никто не умеет выдумывать такие слова. „Новинка“. Дядя Сансаныч даже не поймет что это такое. Он может в знак расположения подарить девушке туфли или конфеты. А словечко не придумает. Никогда».

Так рассуждала Аленка, бредя по чужой пустой окраинной улице, приобретая носки, носки и носки на Ваничкины замерзшие ножки и хризантемы для Ваничкиной измученной души. Запах елки и фруктовый блеск лепестков.

«Жить бы братику в таком цветочке, горя не знать, никогда не вылезать. Бедный неприкаянный эльф».

Мимо, гикая и подпрыгивая, пронесся велосипедик.

– Шпана разэтакая! – следом за ним выходила из себя глыбообразная дворничиха, – прыгни еще раз на помойку, я тебе скребком в морду...

– Разве он, Ека... – заикнулась Аленка.

– Прямо туды. Так и заездил всю помойку. Весь мусор мне пораскидал. Места чтоль другого нетуть? Стрелять таких надоть. Воспитувать. Для того и Екатерина Петровна здесь!

Алена сделала серьезное лицо.

– Екатерина Петровна, Ваня все равно что ребенок. И понимает только ласку. Он и так травмирован жизнью. А если у него будет нервный срыв и его увезут в больницу, я подам на вас иск в суд за моральный ущерб.

– Да ты чего? – дворничиха выпучила глаза в искреннем изумлении.

Ванечка благополучно добрался до дому.

– Убежал? – обрадовалась Аленка.

– Я ей в морду дам в следующий раз, – пообещал Ванечка.

– Ты жив, и это главное. Ложись в постель.

Аленка принесла братику синюю кружку с музыкой и теплым молоком, носки, цветы, десерт, кокос и книжку.

– Я должен был дать ей в морду в этот раз, – булькал молоком эльф. – Наверное, я трус.

– Зачем пачкать руки? Ты создан для того, чтобы жить в райском саду. Смотри на цветы. Это благотворно влияет на функции.

«Как уберечь маленького братика от грязи и злости людской? Было бы такое волшебное слово...»

...ели свой горький хлебушек, который у Ванечки выпекался все отвратительнее. Ему уже давно приелось хлебопекарное дело, наскучило сверх меры. Ему больше нравилось клеить тетрадки – снимет бумажные обложки, сердцевины аккуратно клеим промажет, сразу несколько штук вместе сложит – и под пресс, под толстые словари.

– Скоро я буду, наверное, голодать, – плакался Ванечка, строя башню из словарей посреди комнаты, – о музыкальном центре уже не мечтаю. Бедный я сколопендрик, никто меня не понимает. Все жрут котлеты, и даже мой родной отец. Джинсы бахромаются, чашки упали на мою голову и разбились, последней рубашки не на что купить и последних модных кроссовок, а все ходят прикинутые, и смотрят на меня свысока. Нет последнего альбома БГ, а ведь это единственное мое очень скромное желание. зуб болит, – пастилы объелся. Зачем столько

покупать, ты ведь знаешь, что я не могу сдержаться. А если я заражусь дифтерией? Прививку делать боюсь. Хочу адыгейского сыра и орехового варенья.

– Бедный мой сколопендрик. Бедная моя радость, – плакала Аленушка и не знала что делать. Очень уж ничтожная была у нее зарплата.

На другой день Ванечка, набравшись храбрости, уже почти сумел попасть Екатерине Петровне в морду ведром, но получилось так, что дворничиха его одолела – засунула в помойку, а ведром накрыла сверху. Долго Аленка искала братика, а когда нашла, мыла абрикосовым шампунем и утешала всякими словами.

– Понимаешь, она ничего больше не умеет. Зато ты создан, чтобы жить в райском саду.

– Пива хочу, – сказал наконец братик, – от унижения... Света хочу, воздуха, жареного гуся, юга Франции, настоящей жизни...

...к дяде Сансанычу, прикинувшись, как в оперу.

– Ванечка, – объясняла Аленушка, – настоящий. Ну не может он приспособиться к грязной действительности! Потому что он лучше всех на свете. Вот бабочка, к примеру, может заниматься торговлей? Не потому что она негодяйка, а потому что чудесна. Вот и Ванечка так. У него золотое любящее сердечко. Он чувствительный. Ему совсем чужда низменная сторона жизни! Обижать его – все равно как гнать Небесного Царя в нищенском одеянье...

– Сходите с ума, – сказал Сансаныч. – Но так, чтобы я этого не видел. И не слышал...

Аленушка вернулась домой, словно побитая. Братик выпустил очередную стрелу мимо мишени и поднял полные ожидания и надежды глаза.

– Он совсем дубовый, настоящий Тарас Бульба, – Аленушка заплакала. – Только ты можешь меня утешить.

– А я не обязан тебя утешать, – заметил разочарованный братик.

– Поцелуй меня, и я сразу утешусь, – подсказала Аленушка.

– А я не нанимался тебя целовать, – возразил Ванечка.

– Я тебе цветочки принесла, – плакала Аленушка.

– Лучше бы музыкальный центр. Или пиво.

«Когда он нашел птичий трупик, закопал под тополем и тихонько плакал весь вечер. Мухи не обидит, такой кроткий. Почему же, почему он со мной так груб?»

– Как я несчастна! – заплакала и запричитала Аленушка.

Ванечка грозно выпрямился и сделал мужественное лицо.

– А, так я тебе в тягость? Пойду на помойку как честный человек.

Братик упаковал в карман дюжину стрел и убежал. Бродил, понурый, вокруг помойки, места себе не находил, пока не встретил Екатерину Петровну. Печально спросил у нее сигаретку и пожаловался на жизнь:

– Аленка роняет чувство моего достоинства.

– Ладноть, посиди здесь, – сразу врубилась Екатерина Петровна. – Закопайся поглубже в самую гнилость, там тепло и хорошо против дифтериты, никакой завивки не надоть.

И угостила «Беломором», и огоньку дала. Ванечка закопался в гнилость, а со скуки стал пускать стрелы в помойных кошек. «Все равно не попаду, – утешался он, – зато разовью меткость, это всегда в жизни пригодится. А жить я буду долго и счастливо».

Обыскав все мусорные баки на своей окраине, Аленка пришла на самую страшную, враждебную братику помойку, вотчину Екатерины Петровны. И нашла его!

– Ванечка, – обрадовалась она, – пойдем домой! Там футбол начинается! С вишневым вареньем!

– Ничего, я буду здесь сидеть, тетя Катя мне позволила, – обиженно отвечал братик.

– А вдруг у нее настроение переменится? Или она замуж выйдет за жириновца? Пойдем домой, задернем занавески и спать. Зачем обременять тетю Катю? Вешать на нее наши проблемы?

– Это полезно против дифтерии. Иммуитет укрепляет.

– Я тебе пива в постельку принесу. С медом. И телевизор.

– Тетя Катя идет, беги скорее отсюда! Она ведь теперь мой хороший друг. А не твой.

Аленка убежала покупать Ванечке пиво. Екатерина Петровна тем временем вся распе-
реживалась.

– Не уважает она тебя, это точно. Обзывала выблядком затраханым. Прямо меня не стес-
няясь.

Тетя Катя вынула Ванечку из помойки и понесла к себе в дворницкую.

– Только не говорите плохо о моей сестричке, – болтал он ножками.

Опустела постелька братика, и кружка, и тапочки с кисточками. Грустил в углу одино-
кий велосипедик. Скучали шахматы, словари и свежесклеенные тетрадки. Казеиновый клей
засох. Пустовал противень в духовке, в муке опять завелись червячки. Аленка глотала водку –
и на ночь, и сразу после пробуждения от снов, заселенных Ванечкой.

А на мерзлом рассвете синяя кружка выводила ей свою веселую трель. Кто-то когда-то
обзывал тоскливой шарманку, теперь свершилась техническая революция, и такой же тоскли-
вой, неумной, приставучей сделалась обычная синяя кружка. Звонкие, совершенно потусто-
ронние, фантастически радостные нотки. А там, в дворницкой, слышит ли Ванечка нежные
мелодии? Поет ли ему какая-нибудь кружка? Откуда он добывает свой «тяжелый металл»?
Может быть, из радио? Но ведь радио – дворничихино, а кружка – Ваничкина. Как же он, бед-
ный, без своей кружки? Он так не любил тараканов.

Тосковала стиральная машина. Разве плохо она отстирывала Ваничкины футболки,
трусы, наволочки и прочее? Разве мало старалась? В ее металлической памяти, как в памяти
компьютера, запечатлелись все его носочки до единого, и все пятнышки, которые он пересадал
на штанишки, все его пуговики, все полосочки, ниточки, волоски...

Неужели он теперь Екатерину Петровну называет своей сестричкой? Но ведь это
неправда. А он понимает все на свете. Он мудрее Лао Цзы и Будды. Так что он никак не может
так сильно ошибиться.

Аленка нашла банку из-под любимой Ваничкиной селедки в винном соусе. Банка
печально пустовала под самым изголовьем Ваничкиной кровати. И оттого что на дне еще
поблескивала усыхающая жирная лужица, выглядела трогательно. Братик, наверное, проголо-
дался однажды ночью и поел тихонько, не будя сестричку. Ведь был хорошим мальчиком!
Что бы ему теперь не прийти домой, не надеть пушистые носочки, не поесть селедочки с пивом,
не заснуть тихонько с улыбкой на пухлых губах. А в мае уже можно ловить бабочек. А летом
играть в футбол и купаться в речке, осенью ходить в «Вау» и в Ботанический сад с зонтом-тро-
сточкой. Так просто, всего-то нужно остаться ее братиком Ванечкой, а не превращаться в белую
горячку тети Кати.

Аленушка принялась читать банку из-под селедки как письмо от далекого братика.
«Новинка! Сельдь атлантическая в винном соусе с шампиньонами». Селедка – «Новинка»?
Как и Аленка? Чудесное слово вдруг получило объяснение. Чары покорежились было со скре-
жетом жести и консервного ножа... Но вернулись. Все равно Ванечка талантливый! Просто
теперь Аленка еще глубже проникла в тайны трепетной ванечкиной души!

Он невинный, доверчивый и поэтому совсем бессилён перед злом. Он как младенец,
с ним можно сделать что угодно. Тетя Катя могла его обмануть, сказать, что называть ее сест-
ричкой – благородное дело. А он – наивный, и поверил. У него ведь необыкновенное чувство
долга. А погубила его трогательная младенческая невинность.

Это несправедливо, это невозможно, но погубила! Не уберегла сестричка братика.
А во дворе кошки потягиваются на солнышке как ни в чем не бывало, и кто-то торгует на углу
мороженым. Словно мир еще не знает, что Екатерина Петровна посмела грязным своим рукам
надругаться над Ванечкой...

Такого не бывает. Настолько разные вещи не могут сосуществовать в одном пространстве, тем более совпасть с какого-нибудь боку. Она не может разглядеть кристально-чистое, прозрачное вещество, из которого сделан Ванечка. Никогда. Она даже не знает, что эльфы бывают на свете, а если ей рассказать, ничего не поймет и не поверит. И он не понимает, отчего бывают тети Кати. Не случайно боялся, убежал, плакал – она такая большая и страшная.

Кто же позволил ей прикасаться к нему, абрикосовому? А он, не выносящий вульгарных сочетаний цветов! И тем более, низменной стороны отношений. Может быть, она его связала и положила его нежно-арахисовую голову в тазик перед тем как дотронуться? Но тогда на ужин ей следует жрать орхидеи, на завтрак – пчелиное молочко с пылью? И ее желудок все это примет? Невероятно. Какой дурак стал бы угощать тетю Катю марципанами? А Ванечкой, значит, можно? Не сам же бедный эльфик прыгнул ей в пасть. Он не бешеный, он потусторонний. Он презирал людскую суету. А злодейка-дворничиха подкараулила его – и в суп.

Ванечка позвонил отцу.

– Я женюсь, – сообщил он, – невеста моя женщина хорошая, трудолюбивая, ходит в церковь, любит детей. Мне нужны деньги. Кто кого родил?

Тут уж Сансаныч прибежал к племяннице, в элегантном портфеле притащил пакет молока, бублики и компьютерную игрушку, которая теперь заменяет прокурорам кубик-рубик. Но поздно. Ванечки больше нет...

Сансаныч сразу пристал с глупыми вопросами:

– Негодяй сожительствует с дворничихой?

– Как можно такое говорить, – скривилась Аленушка, – Ванечка – не негодяй.

Сансаныч не понимает, что такое был его ребенок! В его представлении мальчишка связался с первой попавшейся бабой. Сансаныч не чувствует масштаба трагедии. Ванечка всегда боялся запачкать даже кончики пальцев и жалел птичек. А над ним жестоко надругались, его не пожалели...

– А все от безделья! Говорил я тебе, его надо к станку... Я ведь переживаю. Всегда переживал, все годы, что балбес сидел у тебя на шее...

Дядины дорогие часы официально пискнули. Аленка поморщилась от отвращения.

– Ради безмятежной улыбки моего братика я бы превратилась в пыль, в прах, в лужицу...

Дядя посмотрел на нее пристально. Может быть, он теперь, наконец, догадался, что Аленка любила Ванечку запретною любовью. А может, всегда знал. Теперь безразлично.

Сансаныч посмотрел в окно.

Около помойки – лавочка. А на лавочке бабы сидят, и с ними – хорошенький Ванечка. То есть он между бабами, так ласково к ним обеим прильнул, так нежно, вовсе не похабно. Просто мальчик одинок. И что ему до того, что огромные бабы сипят над ним бранные выражения, распивая бормотуху. Они сильные, теплые и такие добрые. В одной Сансаныч узнал Любовь Ивановну Соловьеву, проходящую пока свидетельницей. Сансаныча потянуло туда. Взять мальчика за шиворот и встряхнуть. Но он понимал, что Ванечка теперь – не его ребенок, у него две родительницы по бокам, они имеют все права.

– Ничтожество, – процедил Сансаныч.

– Да, по-здешнему, по-вашему, он – ничтожество. Если судить всего лишь по поступкам, он лишен не только ума, но и души. Но души, потребной для здешней жизни – умеющей что надо, чувствующей что полагается, скоординированной, как дорогой автомобиль. Его живая душа – мятущаяся, страдающая, не имеет никакого утилитарного назначения. Поэтому она дороже всего остального мира... Ванечка – непригодная, совершенно нелепая болванка, но зато в нем столько несбывшегося! Из болванок изготавливают фигуры еще на грани бытия. Фигуры – конкретные вещи определенного функционального назначения. Вот и ты, дядя, такой. И я. К сожалению, и все люди – такие. Все, кроме Ванечки.

– Мы функциональны! Более-менее, – согласился Сансаныч. – Поэтому и не сидим в помойке.

– Ванечку окунули в помойку. Но это – поверхностная грязь.

– Разве он не сам туда залез?

– Просто не сработал инстинкт самосохранения. Но его нечистоплотность – это временное, случайное. А душа – вечна. Я люблю несбывшегося, погибшего лучезарного моего братика. И оттого что его больше нет на свете, только больнее любить.

Сансаныч со скукой смотрел в окно. Бабы дрались.

Однажды Аленка решила навестить братика. Она пожирала глазами мед, абрикосы и жасмин, и не верила, что все это цветет на помойке.

– Как твои дела? – робко спросила она.

– Хорошо. Дифтеритой все-таки не заразился! – похвастался Ванечка и проявил вежливость. – А как твои дела?

– Хорошо. Только мне немного больно, что моего братика погубила младенческая невинность...

– Я – не младенец. Я – порядочный человек.

– А я – «новинка».

– Ты – «новинка», а я – порядочный человек. Тетя Катя меня уважает. А ты не приходи, а то мне сразу домой хочется...

– Но по праву кошек на помойке я могу видеть тебя?

– Искушать человека – большая греховность.

– Это тебя тетя Катя научила?

– Нет, я сам понимаю. Меня воспитывать не надоть, – с гордостью произнес братик.

Аленушка листала телефонный справочник. Ей попала жирная строка: «**SOS! Звоните о пропавших детях 401-99-82**». Рванулась было к телефону, но уронила руки. Все равно сидящие в обыкновенных конторах не поймут, какая беда стряслась с Ванечкой. Никто на свете не мог его понять. Никогда. Сколько ни объясняй. Ребенок пропал. Во всем пустом мире осталось только одно подобие надежды – дикое, гротескное.

Аленка позвала профессора Любушку.

– Я тебе помогу, – заверила Любушка, – недавно я одну женщину, Зину, спасла. Ее мужик почище твоего – взял все деньги и спрятался на чердаке. После моего сеанса чердак провалился в лифт. Теперь тебе недолго страдать.

– А мужик? – испугалась Аленка.

– Мужик? – задумалась Любушка, – пришел на чердак, а чердака нету. Ну, он домой вернулся, повинился.

Любушка зажгла пять свечей, пронзила их иголками, и стала греть ножи, читая заклинания. Аленка рассеянно наблюдала.

– Я ничего не понимаю. Как он мог? Он же невинный как младенец, – допытывалась Аленка в надежде, что Любушка понимает больше Сансаныча и посвящена во все тайны тети Кати. – Наверное, не нужно было покупать ему кокосы? Может быть, обычные орехи были бы полезнее?

– Ты не думай, справедливость есть. Он уже наказан, – ухмыльнулась Любушка, – вот, я вижу в хрустальном шаре третьим глазом. Опаршивел весь, сидит голодный, чешется и хнычет. А Петровна бормотуху пьет, и поносит его, дармоеда.

– Так с Ванечкой нельзя! Он такой ранимый, – заплакала Аленушка, – что же он не убежит?

– Так он же того немножко...

– Джесси, домой! Джесси, домой! Джесси, Джесси... – причитал сосед.

Аленка замотала головой, потешно сжала губы, нос и брови в страдальческую гримаску.
– А может быть, про корову была правда? Ну, что он корову зарезал? И этим все объясняется?

Финтифля

Ольга живет так: у нее прозрачные нарисованные глаза. Спозаранку она уходит на фирму. На особой полке в кухне хранит маленькие блестящие пакетики с душистыми чаями. Комната усыпана ее визитными карточками, там под шапкой-короной – ее имя золотыми кудрявыми буквами, и должность – «косметолог-эстетист». Особенно она гордится вторым словом, совсем новеньким. Значение первого она объясняла Олегу еще давно, а про второе он так и не спросил – не успел. Да, еще у нее изящные туфли. Стопочка дамских романов в изголовье кровати. По вечерам звонят клиентки, и для них она подвешивает на язык чистый голос.

Когда-то Олег поверил, что она нездешняя, и с трепетом шагнул за ширму – в ее мир. А он оказался тем же самым. И она – из того же теста, только приторного. А сын Олега Ванек – еще трехлетний, нельзя сказать, что из него получится.

«Перемелется – мука будет», – говаривал отец Олега. Олег морщился – слышал беспечную сдобную фальшь. Или в голосе отца мелькала и, скользя, убегала неуверенная нота, или сама народная мудрость – глупа.

В его детстве еще светились уютные оранжевые окна – моргали и сияли во двор. Вечером невидимые мурашки начинали свою беготню по голым рукам, миротворный материал стыл под коленками, Олег выходил из песочницы и шел на волшебный свет. Дома он пил чай с замечательными пухлыми пончиками, а пока жевал, крошил сахарной пудрой и причмокивал, старался не потерять и не упустить мысль о том, что теперь он находится за оранжевой ширмой – «там» стало «здесь».

Жили они в районе Петрозаводска, в городе Окологородске, областном центре, нагорженном вокруг мебельной фабрики. Отец всю жизнь протрубил в одном из цехов, при лампах дневного освещения, весь в ссадинах и занозах, а сына определил в Петрозаводск учиться на повара:

– Вилочки всякие, соуса. Всегда вкусно. А то можно и пекарем. Не работа, а удовольствие. Сдоба. Живая жизнь, а я вот – протрубил... А иногда мне как будто голос был: эх, стать бы поваром. Ну да перемелется...

За час до смерти отец попросил жаркое с черносливом. Но сын все равно бросил завещанное сдобное училище и пошел обивать мебель в одном из серых цехов мебельной фабрики. Соуса, а тем более всякие особенные вилочки и фигурные приспособления – финтифля, похожи на девчоночьих собачек. Олег не терпел финтифли. Но диваны и прочая мебель, дома и целиком города, потом Ольга и прямоугольники окон – все оказалось финтифлей.

Олег чувствовал себя шатко на обочине прочной, уверенной жизни Ольги. Он не мог жить всерьез, потому что и сама жизнь – финтифля. Он в «Новостях» видел ковер над бездной – дом раскололся, панели рассыпались, а ковер на одном из верхних этажей продолжал драпировать собой обломок стены... Дело было не в городе Окологородске, но Олег все равно догадался: уют – иллюзия, тонкая папиросная бумага с нарисованным очагом, отгораживающая от жути. Запах ландыша, присвоенный злой бабой.

Однажды пришлось наблюдать – Ольга своими изящными нафабранными когтями случайно разорвала нежную ткань собственных колгот. Когти – неизбывны, сколько она их ни крошай пилочкой. Это – не перемелется, муки никогда не будет. Финтифля и жуть.

Они шлепали по серой грязи – в гости. В грязной серой темноте, причем грязь и тьма составляли одно вещество, консервант, в котором томился город. С каждым шагом в сознании Олега утверждалась правота – он не вымыл ботинки, и никогда не станет. Вымоешь их, а через пять шагов они такие же. В чем смысл? Чистить, чтобы ступить в грязь – все равно что делать перед кем-то вежливую мину – улицы, мол, чисты, везде блеск и приятно. Последним новым свитером Олег оскоромился еще студентом. Но больше он не попадет. Под одеждой скры-

вают костяную бедность. Одежда всегда – чужая. Перья, наклепленные на голую пупырчатую кожу, маскарад. Носить приличную одежду – опять же значит лгать, что тебе хорошо и приятно. У него не спрашивали, хочет ли он участвовать в этой комедии. Он решил, что дотерпит до конца, но рядиться и изображать из себя ничего не будет.

Добрели, и он сидел рядом с Ольгой – Ольгой в шелковой блузке и тяжелых серьгах. Уши резала фальшь – там она была во всех голосах, в каждой фразе, и много ее было на блюдах – в виде загогулин из моркови и кружев из петрушки.

Там говорили о новой церкви во имя Николая Угодника, отгроханной в центре города Окологородска. Хвалили мэра. Олег зевал, не прикрывая зева рукой.

Там угощали мясом. Олег сжевал кусок и принялся ковырять ногтями в зубах. Люди и жилищам своим, и самим себе пытаются придать уютный вид. Для этого усваивают повадки, отличные от звериных. Человек не станет рвать сырое мясо зубами, а будет есть его эстетизированно, украшенное зеленью, с круглой тарелки, вилок. Тарелка и петрушка – обманывают.

Там говорили, что город Окологородск бог милует – преступность не велика, дома не рушатся, карапузы классические – поманили Ванечка и дали ему «Белочку» – почти ничего из того что показывают в «Новостях». И на фабрике зарплату исправно выдают. Опять похвалили мэра. Процветание города связывали с догадливостью мэра, с тем, что он отгрохал храм во имя Николая Угодника, который издавна считался покровителем города Окологородска.

– Вам понравился свекольный салат? – хозяйка проявила любезность по отношению к Олегу.

– Неудачный. Орехов и майонеза мало, и незачем было сыпать «Хмели-сунели», – ответил Олег.

– Наверное, в вас погиб повар, – жалко пошутила хозяйка.

На тарелке остался кусок мяса, Олег завернул этот кусок в салфетку и уложил в карман. На него глядели с недоумением. Он кратко пояснил:

– Дома съем. Или собакам отдам, – язык слегка заплетался.

Вышел из-за стола и направился домой, не выдумывая вежливый предлог, не утешая хозяйку: «Ах спасибо, у вас было приятно и хорошо».

С ним иногда по пути из гостей приключалось неумение добрести до своего дома. Он брел, застигнутый неумением. Он не помнил, где Ольга – осталась ли она в гостях, или еще где-нибудь ходит и напевает: «Мой хозяин, жестокий шарманщик, меня заставляет плясать...». Плаксивый мотивчик как будто навеки прилип к ее накрашенным губам.

Он искал свой дом – девятиэтажную панельную коробку. Только кустик около подъезда сухим прутиком мог указать его дом, неотличимый от прочих. Да особая ледяная покатошь ступеньки, которая выдавала себя только ступне.

Из серой тьмы вышла хромая собака – собака с перебитой ногой – драная и паршивая собака города Окологородска.

– Вот, – сказал Олег, – проклятый город Окологородск! – добавил он. – А мы с тобой друг друга понимаем, – и отдал собаке припрятанный кусок.

Не умея дойти до дома, он бродил и клялся, что когда предстанет перед Создателем, выскажет все прямо, как прямо сказал про свекольный салат.

– Я не стану перед ним юлить: «Ах спасибо, было приятно и хорошо. Так и скажу – все финтифля и жуть. Никогда ни перед кем не заискивал...».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.